

Юрий Бит-Юнан, Давид Фельдман
К истории публикации романа В. Гроссмана
«Жизнь и судьба» или «Как это было» у Б. Сарнова¹

О вреде и пользе начальственных окриков

На исходе 1960 года роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» оказался в эпицентре интриг политических и литературных. А двадцать восемь лет спустя его публикация на родине автора вызвала ожесточенную полемику не только литературного, но и политического характера.

Ныне автор признан классиком, современники же рассказали не раз об «арестованной» рукописи и злоключениях первой части дилогии — романа «За правое дело». Истории этой дилогии посвящена опубликованная в шестом номере журнала «Вопросы литературы» за 2010 год наша статья «Интрига и судьба Василия Гроссмана»².

Однако у Б. Сарнова она вызвала, нам кажется, реакцию неадекватную. Имеется в виду напечатанная там же два года спустя его статья «Как это было. К истории публикации романа Василия Гроссмана „Жизнь и судьба“»³.

Мы убеждены, что спор — в академическом издании — подразумевает корректность при описании мнений не только сторонников, но и оппонентов. Статья же Сарнова, как нам ка-

© Jurii Bit-Junan. David Feldman, 2013.

© TSQ № 45. Summer 2013.

¹ Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

² Здесь и далее цит. по: Бит-Юнан Ю., Фельдман Д. Интрига и судьба Василия Гроссмана // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 163—182.

³ Здесь и далее цит. по: Сарнов Б. Как это было. К истории публикации романа Василия Гроссмана „Жизнь и судьба“ // Вопросы литературы. 2012. № 6. С. 9—39.

жется, нечто в роде начальственного окрика. Этакое «распекание» - с аргументами в стиле «ты кто таков».

На брань можно было б не отвечать. И раз уж автор статьи утверждает, что история публикации романа «Жизнь и судьба» постольку изложена им точно, поскольку он — свидетель и участник, воспринимать подобное можно опять с иронией, не более. Отвечать же приходится потому, что Сарнов, пересказывая наши суждения, не только порою искажает их до полной противоположности, но еще и приписывает нам такие, какие мы не формулировали.

Тем не менее, мы благодарим его.

Изначально мы и не собирались анализировать различные версии, относящиеся к истории публикации романа. Тема, скорее, для монографии. Объем тут нужен едва ли не больший, чем объем статьи, рассердившей Сарнова. Но коль скоро критик утверждает, что истинна лишь им предложенная версия, анализ ее стал задачей актуальной.

Вот за это и благодарим.

Итак, отметив, что давно собирался описать, «как это было», Сарнов объяснил, почему же пришло время. Повод — «статья Ю. Бит-Юнан и Д. Фельдмана...».

Кстати неоднократно упомянутая фамилия «Бит-Юнан» автором статьи не склоняется. Значит, автор уверен: один из оппонентов — женщина. Боже упаси, ничего оскорбительного мы здесь не усматриваем. Просто деталь методологически важная. Автор — в составе редколлегии, было, у кого спросить. Не было сомнений, это и характерно.

Далее автор уточняет, что повод — не столько даже статья наша, «сколько заключающий ее вывод: „История публикации романа „Жизнь и судьба“ крайне запутана. До сих пор нельзя точно сказать, какая из Гроссманом спрятанных рукописей издана за границей, когда именно копия туда попала, что за способы использовались при доставке, насколько существующие издания текстологически корректны. Эта проблема даже не ставилась — в пригодной для решения форме“».

Прежде всего, **это не вывод**. Ни «заключающий», ни хоть какой-нибудь. В статье, цитируемой Сарновым, мы вообще не

рассматривали ни вопросы текстологии, ни способы доставки рукописи за границу.

Мы анализировали политический контекст пропагандистских кампаний, с публикациями Гроссмана связанных. А также — некоторые факторы, обусловившие «арест» рукописей и задержку даже иностранной публикации почти на двадцать лет. Мы показывали, что нынешние представления о прагматике ряда кампаний соответствуют, в основном, стереотипам, на закате советской эпохи сформированным публицистами и мемуаристами. Аналогично — представления о прагматике ряда литературно-политических интриг. Вот почему сформулировали **тезис**, относящийся к другим спорным вопросам, пусть и не рассмотренным в нашей статье.

Действительно же «заключающий» вывод Сарнов не цитировал. Стало быть, цитату, отсылавшую читателей к заглавию нашей статьи, приведем мы: «Интрига завершена, последствия не осмыслены».

Вот что имелось в виду. Но, пожалуй, забавнее, что указанные нами спорные вопросы Сарнов объявил вообще не существующими: «Это наведение тени на ясный день (sic! — Ю. Б., Д. Ф.) меня изумило, потому что все, что изображается тут авторами цепью загадок, на которые до сих пор не существует ответа, на самом деле давно и хорошо известно».

Нас тоже изумила его эмоциональность. Сарнов же и далее подчеркивает: «Вся их статья построена на упрямом стремлении игнорировать, а то и отрицать факты и обстоятельства не только хорошо известные, но и фундаментально изученные».

Это еще мягкая характеристика — в сравнении с прочими. И даже неудобно как-то объяснять автору, что **для историка литературы «факты и обстоятельства» существуют не сами по себе: они источниками фиксируются, а те подлежат критическому осмыслению**. Азы ведь.

Но окрик лишь постольку вреден, поскольку для читателей, с нашей статьей незнакомых, суть полемики сведена к рассуждениям о **злонамеренно** не упомянутых нами заслу-

гах мемуаристов. А еще — о бессмысленности таких аргументов, как «докторские диссертации, ученые степени и звания».

Про «степени и звания» в нашей статье — ни слова. Да и с чего бы вдруг сертификатами мериться? Но окрики бывают не только вредны. Как отмечалось выше, появился и повод рассмотреть подробно те вопросы, которых, по мнению Сарнова, нет.

Однако считаем нужным оговорить: далее публикацию Сарнова мы рассматриваем, прежде всего, как мемуарный источник, и лишь затем — в качестве совокупности мнений оппонента.

С источником, понятно, не спорят. Его изучают, оценивают степень достоверности, с другими источниками сопоставляют и т. д. О мнениях же, не сводимых к окрикам, споры уместны только по мере анализа источников.

Звенья первой «цепи загадок»

Начнем с истории **доставки** рукописей за границу.

По словам автора статьи, тут ясно все. Но описывает он лишь этапы **отправки**, например — первый: «В один прекрасный день на пороге квартиры В. Войновича — без предупреждающего о предстоящем визите телефонного звонка (позвонить Войновичу было невозможно, потому что телефон у него в то время был отключен) — появилась Инна Лиснянская, жена С. Липкина. В руках у нее была тяжелая авоська. А в авоське — рукопись арестованного гроссмановского романа».

Жаль, что лишь угадывается, с какой датой «прекрасный день» соотнесен, и где был тогда мемуарист. Если у Войновича, то описывает **свои** впечатления, а нет — пересказывает не названный источник **по-своему**. Источники, однако, известны. Не упоминая о Сарнове, эпизод не раз описал Войнович, например, в книге «Автопортрет. Роман моей жизни»⁴.

⁴ См.: *Войнович В. Н. Автопортрет: Роман моей жизни.* М.: Эксмо, 2010. С. 595—596; 843—844.

Далее, по словам автора статьи, в копировании участвовали А. Сахаров и Е. Боннэр, затем копия попала за границу. И автор резюмирует: «Как я уже сказал, вопреки утверждению Ю. Бит-Юнан и Д. Фельдмана, все это — в общих чертах — давно и хорошо известно».

Вот именно, что «в общих чертах». А в **конкретных** источниках — существенные разночтения.

О том, что переправил рукопись, Войнович рассказал впервые на Франкфуртской книжной ярмарке 1984 года. И подчеркнул (в силу причин известных) что сделал это по собственной инициативе, без чьей-либо помощи. В одиннадцатом номере «Посева» помещена его статья «Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа»⁵.

Почти что пять лет спустя про **отправку** — стараниями Войновича, Сахарова и Боннэр — сообщил Липкин. 5 мая 1989 года парижской газетой «Русская мысль» опубликована его статья «Рукописи не горят. Как был спасен роман Василия Гроссмана „Жизнь и судьба“»⁶.

Сарнов липкинской версии не противоречит. По Липкину же, за границу была тогда отправлена **одна** копия. Эта версия фактически дословно воспроизводилась и в более поздних изданиях липкинских мемуаров⁷.

Но Липкин версию свою изложил кратко. Подробно Войнович рассказал — в интервью и книге, упомянутой выше. Он утверждал, что за границу **две копии** отправил. Сначала ту, что изготовил сам, затем — сделанную Сахаровым и Боннэр.

Так что и на этапах начальных в этой истории отнюдь не все «давно и хорошо известно».

⁵ *Он же.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа // Посев. 1984. № 11. С. 53—55.

⁶ *Липкин С.* Рукописи не горят. Как был спасен роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Русская мысль. 1989, 5 мая.

⁷ См., напр.: *Он же.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана // *Липкин С. И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана; *Берзер А. С.* Прощание. М., 1990. С. 118—120; *Он же.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана // С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. М., 1991. С. 36—40.

Подчеркнем: в статье, рассердившей Сарнова, мы сформулировали вопрос о способах **доставки**. Копии, понятно, через границу перевезены, но **кем и как** — нет сведений. И, похоже, Сарнов этот вопрос не заметил.

Стало быть, первая загадка — способы доставки за границу.

Отправили, по Сарнову, в 1975 году. А вскоре, пишет он, «мы узнали, что посланный в виде пленки текст романа, до тех, кому он был адресован, дошел».

Мемуарист поясняет, что узнавших было немного. Сказано не без гордости: «Говоря „мы“, я имею в виду узкий круг (узкий — в России) читателей „Континента“».

Ну а «дошел» текст до редакции в Париже, которой В. Максимов руководил. Далее сообщается: «Уже в 1976-м на страницах этого журнала появились две главы из каким-то чудом вдруг оказавшегося на Западе арестованного гроссмановского романа. Главы эти, к сожалению, мало что говорили о масштабах и выдающихся достоинствах утаенного от читателей произведения».

Непонятно, почему «каким-то чудом», если Сарновым же описано, кто фотографировал и отправлял. Зато акцентируется, что именно «две главы из романа были все-таки напечатаны. И впервые на страницах печати появилось новое авторское его заглавие: «Жизнь и судьба».

Далее — характеристика Максимова. По мнению Сарнова, выбор глав «наводил на мысль, что, публикуя их (не опубликовать все-таки не мог), он хотел как-то смикшировать, приглушить значение этого события».

Зачем — объяснено. Редактор лоббировал интересы А. Солженицина, который «исходил из того, что во второй половине века может появиться только один великий русский роман. И этим единственным великим русским романом должно было стать его „Красное колесо“».

Но, вопреки Сарнову, континентовская публикация началась не «уже в 1976-м», а в четвертом номере **еще** 1975 года,

продолжалась она **пять номеров**, и ни в одном по «две главы» не помещено, а всего напечатано — **двадцать три**⁸.

Как говорится, ничего личного. Только библиография.

Согласно редакционному уведомлению, печатались главы второй книги романа «За правое дело». Лишь с шестого номера появилось «заглавие „Жизнь и судьба“», и редакцией отмечено: «Как нам стало известно в последний момент, именно так назвал автор вторую книгу романа „За правое дело“. Принимая во внимание волю покойного писателя, мы продолжаем публикацию глав этой замечательной книги под новым названием».

Выходит, континентовские редакторы, готовя публикации в четвертом и пятом номерах, еще не знали, что у второй книги есть «авторское» заглавие — «Жизнь и судьба».

Тем не менее, книгу Гроссмана они признали «**замечательной**». Указав также, что полностью напечатать ее не позволяют объем и периодичность журнала, но «в ближайшее время это сделает одно из западных издательств».

Действительно, «Континент», выходил раз в квартал, и примерно треть романа печаталась более года. Об источнике же текста сообщалось: «Трагическая история рукописи романа будет рассказана нами в послесловии в конце публикуемых глав».

Так и было. В восьмом номере - статья Б. Ямпольского «Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия)»⁹.

Да, как-то непохоже, чтоб мемуарист ознакомился хотя бы с одним номером «Континента», где напечатаны главы ро-

⁸ Здесь и далее см.: Гроссман В. За правое дело. Главы из второй книги романа // Континент. № 4. 1975. С. 179—216; Он же. То же // Там же. 1975. № 5. С. 7—39; Он же. Жизнь и судьба. // Там же. 1976. № 6. С. 151—171; Он же. То же. // Там же. 1976. № 7. С. 95—112; Он же. То же. // Там же. 1976. № 8. С. 111—133. См. Электронную версию журнала «Континент»: http://www.vtoraya-literatura.com/razdel_95_str_1.html

⁹ Ямпольский Б. «Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия)» // Там же. № 8. 1976. С. 133—154.

мана Гроссмана. Потому и правомерен вопрос о происхождении версии, предложенной Сарновым.

В мемуарах Липкина конкретно о «Континенте» нет упоминаний. Подробности — у Войновича. Их Сарнов и воспроизводит, добавляя новые. Так, Войнович про 1976 год и «две главы» не писал, а сообщил только, что в пятом номере — «отдельные, плохо выбранные отрывки. И все».

У «Континента» нумерация сквозная, пятый номер относится тоже к 1975 году. Понятно, что прочие номера Войнович не видел, правда, себя и не причислял к узкому кругу постоянных читателей «Континента». А с Максимовым у него — еще до эмиграции — сложились отношения, скажем, не вполне дружеские, о чем не раз писал. Соответственно, объяснена им причина, в силу которой не вышла книга: Максимова рукопись не заинтересовала, и он «послал роман с кислой припиской Карлу Профферу, но тот тоже интереса не проявил».

Речь идет о руководителе американского издательства «Ардис». И про «кислую приписку» — деталь значимая. Сарнов тоже объясняет, почему книга не вышла: «Ограничившись публикацией двух, мягко говоря, не самых сильных глав гроссмановского романа, полный его текст Максимов послал Карлу Профферу, сопроводив его, надо думать, не слишком горячей, можно даже предположить, что скорее кислой (выделено нами — Ю. Б., Д. Ф.), рекомендацией».

Теперь вернемся к рассказу о Солженицыне и Максимове. О каждом довольно резко отзывался Войнович, но в связи с гроссмановским романом не инкриминировал он Максиму лоббирование интересов Солженицына. Это Сарнова новация.

Отметим также: если статьей его ограничить знакомство с источниками, остается лишь признать, что он — либо участник, либо свидетель едва ли не всех описанных им событий. Возможно, так было, но Войнович, Липкин, Максимов, Проффер и другие участники, насколько известно нам, о присутствии Сарнова не упоминали.

Правда, есть некое косвенное упоминание — в опубликованной шестнадцать лет назад книге Дж. Гаррарда и К. Гар-

рард «Кости Бердичева. Жизнь и судьба Василия Гроссмана». Там приведены сведения о фотографировании рукописи, а в примечании сказано: «Это было в квартире превосходного литературного критика Бена Сарнова, с которым нам посчастливилось встретиться и которым мы теперь восторгаемся»¹⁰.

Гаррарды не сообщили, кто рассказал о копировании в сарновской квартире. А жаль. Впрочем, не это главное. По Сарнову, отправлял Войнович копии только в редакцию «Континента». Но одна глава напечатана и в июльском номере журнала «Посев» за 1975 год. Причем указано, что она «из неопубликованного II тома романа „За правое дело“»¹¹.

Как известно, «Посев» издавался во Франкфурте-на-Майне. Там же выходил и журнал «Грани», поместивший еще одну главу романа в июльско—сентябрьском номере 1975 года. Причем и редакция «Граней» указала, что публикует фрагмент второго тома романа «За правое дело». Но отмечено: «По замыслу автора роман должен был называться „Жизнь и судьба“»¹².

Можно и подвести итоги — на данном этапе.

Нет сведений, во-первых, что не только Войновича просил Липкин о помощи. Во-вторых, нет сведений, что Войнович посылал копии не только Максимову. И, в-третьих, нет сведений, что не только Проффер получил копии от Максимова. Наконец, сведений, что Проффер кому-то передал копии, тоже нет. А публикации — в трех журналах, причем главы разные.

Значит, отнюдь не решен вопрос даже об истории журнальных публикаций за границей. Он еще и не поставлен в пригодной для решения форме, что и было — на уровне тезиса — сказано в нашей статье.

¹⁰ См.: *Garrard J, Garrard C. The Bones of Berdichev. The Life and Fate of Vasily Grossman. N.Y.:The Free press, 1996. P. 406.*

¹¹ См. *Гроссман В. Природное стремление человека к свободе неистребимо! Глава из неопубликованного 2 тома романа «За правое дело» // Посев. 1975. № 7. С. 53—55.*

¹² См.: *Гроссман В. За правое дело. Отрывки из второго тома романа // Грани. № 97. 1975. С. 3—31.*

Вторая «цепь загадок»

Новая попытка опубликовать роман описана Войновичем не раз. Четыре года спустя организовал фотографирование, отдал копию приехавшей в Москву австрийской славистке, она — сотруднику посольства, тот перевез через границу, и после ряда перипетий микрофильм к издателю попал.

Значит, Войнович третий раз отправил копию за границу, но лишь в последнем случае хоть как-то описан способ доставки.

Не ссылаясь на источник сообщает об этом случае и Сарнов. Характерно, что воспроизводит он близко к тексту и диалог Войновича с его помощницей при отправке копии. Ну, словно опять рядом стоял. А еще — описывает результат третьей попытки опубликовать роман: «На титульном листе западного издания было обозначено, что издание подготовили С. Маркиш и Е. Эткинд. Оба — высокие специалисты, не халтурщики».

Исключение такой характеристики, как «халтурщики» контекстуально обусловлено. По Сарнову, «текстологические дефекты издания, видимо, (разрядка наша — Ю. Б., Д. Ф), объяснялись тем, что в руках ученых, готовивших книгу к изданию, оказались две разные пленки, и обе — технически несовершенные. Потому им приходилось пропущенное и неразборчивое на одной компенсировать фразой или фрагментом, сохранившимся в более удобочитаемом виде на другой».

Слово «**видимо**» обозначать здесь может лишь гипотезу. А на чем гипотеза основана — загадка.

Есть и другая загадка: как рассказывает Сарнов, за границу вновь была отправлена только одна копия, при этом он же сообщает, что у Эткинда и Маркиша оказались «две разные пленки».

Почему Сарнов противоречит себе же — угадать опять не сложно. Это противоречие в им не названных источниках. Ранее он интерпретировал мемуары Войновича, затем — предисловие Эткинда к лозаннскому изданию 1980 года. Там Эткинд, характеризуя работу, с Маркишем совместно проведен-

ную, сообщил, что у них было «два экземпляра романа, неведомо как проникших на волю из-за бетонных стен лубянского крамолохранилища»¹³.

Сарнов упоминает не предисловие, которое словно бы не читал, а титульный лист, вот почему и причину, указанную Эткиндром **как факт**, описывает **в качестве гипотезы**. Эткинд же ситуацию характеризует подробно, акцентируя, что было именно **два** копированных экземпляра: «Внимательное их рассмотрение показало, что каждый по-своему дефектен: не хватает то страниц, то строк или абзацев, то целых глав; кроме того, машинописный текст содержит множество явных или (что гораздо хуже) „осмысленных“ ошибок (скажем, „стройка века“ вместо „стройка зека“). К счастью, сопоставление обоих текстов позволило заполнить почти все пробелы, а также исправить многие ошибки; два варианта послужили основой для одной — синтетической редакции».

Значит, к редакторам попали дефектные копии **не идентичных текстов**. Были б две копии **одного** текста, не стоило б «синтезировать». Восстанавливая **один** текст, сравнивали бы копии, да заполняли лакуны, или обозначали бы их, если заполнить нельзя. Совсем другая задача — сравнение **двух не идентичных текстов**. Роман тогда **реконструируется**, а результат можно назвать «**синтетической редакцией**», что и оговорено в предисловии.

Там еще и развита тема **двух не идентичных текстов**. Ссылаясь на учебник С. Рейсера «Основы текстологии», редактор указывает, что решалась задача «особого типа, — установление окончательного текста огромного романа, конфискованного полицией; эта задача, пособиями по текстологии не предусмотренная. Научная текстология рекомендует в большинстве случаев руководствоваться последней волей автора: „Мы принимаем за основной текст тот, в котором наиболее полно выражена творческая воля автора“».

¹³ Здесь и далее цит. по: Эткинд Е. Двадцать лет спустя // Гроссман В. Жизнь и судьба. Lausanne, 1980. С. I—XI.

Было б две копии **одного** текста, не имел бы смысла вопрос о «последней воле автора». А Эткинд признает: ставился вопрос. Потому что Гроссман на публикацию рассчитывал — в СССР. Значит, редакторам уместно было хотя бы предположить, что один из текстов приближен к требованиям цензуры и отражает уступки ей, а не «последнюю волю автора».

Гипотеза уступок не подтвердилась. Оба текста признаны равнотеприемлемыми — с точки зрения цензуры: «Чего хотел автор? Неужто он, в самом деле, думал, что его труд увидит свет в Советском Союзе?».

Значит, нет и ответа на вопрос о «последней воле автора». Но, подчеркивает автор предисловия, есть «синтетическая» редакция, благодаря чему и «возникает из небытия старая книга Вас. Гроссмана».

Таково свидетельство Эткинда. И, как бы ни оценивать достоверность, понятно: он **свою** работу описывает, а сказанное им Сарнов — **по-своему** — пересказывает.

Однако стоит отметить, что владелец книгу выпустившего издательства — В. Дмитриевич — сообщил лишь про **одну** копию. Например, в показанном семь лет спустя телефильме Г. Биллштайна (H. Billstein) «Литературная контрабанда из Советского Союза»¹⁴

Дмитриевич описывал тогда **свою** работу. Трудностей было много: «Я провел два с половиной месяца в темной комнате, чтобы расшифровать текст, поскольку качество микрофильма оставляло желать лучшего. Кое-что было просто не разобрать».

Говорил он по-французски, дублировалось это по-немецки, есть также итальянские субтитры, но, судя по оригиналу и переводам, был **один** микрофильм. Лишь **в единственном числе** упомянут.

Стало быть, нет ответа на вопрос о происхождении второй копии, Эткиндром упомянутой.

Это не только нас заинтересовавший вопрос. Об этом пишут, например, Д. Мадалена и П. Тоско, авторы предисло-

¹⁴ Цит. по: <http://www.grossmanweb.eu/video.asp>

вий к главам сборника, подготовленного на основе материалов туринской конференции 2007 года «Роман свободы. Василий Гроссман среди классиков XX века»¹⁵.

По словам исследователей, есть основания предполагать, что лишь сначала у Дмитриевича была одна копия. А затем — «еще один микрофильм, сделанный позже. Его происхождение до сих пор неизвестно. Неизвестно также, как он попал на Запад».

Вот и мы примерно о том же. И можно опять итоги подвести.

Нет, во-первых, сведений, что Дмитриевич получил какую-то другую копию, помимо Войновичем отправленной. Во-вторых, нет сведений, что копия еще какой-то рукописи, кроме хранившейся у Липкина, была отправлена за границу. Но к 1980 году у Эткинда и Маркиша оказались **две копии двух не идентичных текстов**.

Значит, **в истории первой книжной публикации гроссмановского романа тоже не все «давно и хорошо известно»**. Что и было — на уровне тезиса — нами отмечено.

Третья «цепь загадок»

Рассуждения Сарнова о подготовке книжной публикации завершаются оценкой. Причем не очень лестной: «Не удивительно, что с текстологией в этом издании дело обстояло не лучшим образом».

А по нашему мнению, «дело обстояло» лучшим образом — из возможных. Есть характеристика источников, обозначены купюры. При такой источниковой базе и специфике эдиционной задачи вряд ли кто-то лучшего бы результата добился. Так что перейдем к анализу результатов, полученных советскими публикаторами.

¹⁵ Цит. по: *Maddalena D., Tosko P. Nota storica su Vita e Destino e Tutto Scorre // Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo. Torino: Rubbettino, 2007. P. 27—30.*

Наш оппонент утверждает, что из руководителей журналов первым решился А. Ананьев. И это «требовало от главного редактора „Октябрь“ немалого мужества. Я бы даже сказал, отчаянной смелости».

Действительно ли «отчаянной» — судить не беремся. Но известно, что цензурный гнет к 1987 году несколько ослабел, а потому столичные журналы наперебой печатали недозволенное прежде, увеличивая таким способом количество подписчиков. И главный редактор «Октября», по свидетельствам ряда современников, тоже искал способы повысить тираж, в связи с чем, например, рассматривал вопрос о публикации ранее запрещенного романа Б. Житкова «Виктор Вавич». Кстати, рукопись была предоставлена Л. Чуковской. Но в итоге он принял другое решение, получив от Ю. Мориц ксерокопию лозаннского издания «Жизни и судьбы»¹⁶.

Отметим, что о решении Ананьева оповестил читателей журнал «Огонек». В сороковом номере за 1987 год опубликованы фрагмент романа и анонс. Подробностей там нет. Сказано, что полностью роман «увидит свет в ближайшее время в журнале „Октябрь“».¹⁷

Выходит, не позднее августа 1987 года о готовящейся публикации узнали миллионы советских граждан. А главное, редакция «Огонька» раздобыла источник текста. Откуда и какой — Сарнов не объясняет, ведь он и не рассказывает про анонс. И это важная деталь. По словам мемуариста, «с публикацией романа Гроссмана у редакции „Октябрь“ была и другая, дополнительная трудность. *У них не было рукописи* (здесь и далее курсив автора — Ю. Б., Д. Ф.)...».

Бесспорно, трудность. И мемуарист пишет: «О том, что для редакции это обстоятельство было серьезной проблемой, мне сказала дочь Василия Семеновича Екатерина Васильевна (для меня — Катя, мы с ней были знакомы и дружны с детских лет)».

¹⁶ Сообщено В. Г. Перельмутером.

¹⁷ См.: Гроссман В. Жизнь и судьба // Огонек. 1987. № 40. С. 19—22.

Сообщается, что не только в редакции сочли проблему серьезной. Обсуждали ее и «на заседании Комиссии по литературному наследству В. С. Гроссмана. Предложения были разные, в том числе самые безумные. Мой друг Л. Лазарев (он тоже был членом той комиссии) предложил обратиться с официальным запросом в КГБ, потребовать, чтобы они вернули рукопись арестованного романа».

Но мемуарист другое решение нашел. Он сказал дочери писателя: «У Вас есть западное издание романа? Нет? Ну, я Вам дам. А Вы отдайте его машинистке и перепечатанный на машинке текст принесите в редакцию».

Значит, предложено было обмануть сотрудников редакции. Сообщить, что «вот это она и есть — та самая рукопись».

Подчеркнем: мы не полемизируем, но анализируем — источник.

Да, план дерзкий. Машинистка печатала б тысячу страниц месяц, не меньше, и вряд ли бы в редакции без возражений дожидались. И вряд ли приняли бы такой, скажем, новодел — за подлинник, давности примерно двадцатисемилетней. А дочь писателя уже заплатила бы машинистке, как минимум, пятьсот рублей. Для справки: месячный доход полковника. Или профессорский. В общем, издержки солидные, конфуз — почти неизбежный.

Казалось бы, проще к Липкину обратиться. Мемуарист же свидетельствует: «Не знаю, последовала ли Катя моему совету, или в редакции „Октября“ без меня додумались до такого простого решения вопроса, но другого варианта тут быть не могло, в основу журнальной публикации было положено западное издание».

Что означает «в основу» — не объяснено. Зато постулируется, что в «Октябре» не работали с рукописью, только «признаться в этом они не могли, а на вопрос, откуда взялся у них текст, отвечали уклончиво: „по случайно уцелевшему следу“».

Впрочем, еще интереснее, почему не могло быть «другого варианта». Если судить по статье, так знал Сарнов о рукописи уже лет двенадцать. А еще — показывал недавно вышедшее лозаннское издание Липкину, желавшему убедиться, что

именно по его рукописи печатался роман. И Липкин убедился, хотя «в тексте западного издания обнаружил какие-то зияния, лакуны, нестыковки, стилистические несообразности».

Было ли так, нет ли, но **свидетельство — прямое**. Это Сарнов заявил, что за много лет до советской публикации знал о «нестыковках», которые пытались устранить в «Октябре».

По словам мемуариста, в истории публикации романа загадок нет, а при анализе его статьи всё новые обнаруживаются: странно, почему он так и не сообщил о липкинской рукописи ни Ананьеву, чьей смелостью восхищается, ни Лазареву, которого другом называет, ни даже издавна с ним связанной дружескими узами дочери Гроссмана.

Характерно, что автор статьи никаких странностей тут не видит.

Четвертая «цепь загадок»

Как сообщает мемуарист, еще не завершилась публикация в «Октябре», а новую уже готовило издательство «Книжная палата». И вновь проблемы: «Текстологическая уязвимость журнального текста у редакторов книжного варианта сомнений не вызывала. Но ничего с этим поделать они поначалу не могли. Ведь у них не было никакого другого варианта, кроме журнального. Оставалось только полагаться на чутье, вкус и интуицию редакторов».

Интересный подход к источникам описан, а дальше — еще интереснее. Как полагает Сарнов, у читателей «наверняка возникает простой вопрос: но ведь можно было хотя бы сопоставить два текста — журнальный, советский — и западный. Почему же они этого не сделали?».

А «простого вопроса» — о рукописи — словно и нет. Про сверку же сообщается: «Но то-то и дело, что не было у них западного текста! Оказался в руках лишь в самый последний момент — перед сдачей рукописи в набор».

Далее мемуарист, уже ссылаясь на источник, цитирует воспоминания главного редактора — В. Кабанова, Тот и указывает, что дочь писателя была передана «ксерокопия швейцарского издания, с которым работал (таки!) „Октябрь“»¹⁸.

Некоторая эмоциональность повествования — «(таки!)» — обусловлена тем, что ранее Кабанов уже обращался в редакцию «Октября». А там «ничего по тексту прояснить не могли».

Конечно, возник и вопрос об источнике текста в «Октябре». Но, по словам Кабанова, вместо ответа — лишь «намеки были. Даже такой, что есть, мол, где-то во вселенной нечто самиздатовское».

Тем беседа и закончилась. Нет сведений: «Молчат, партизаны».

По Кабанову, спрашивали и дочь Гроссмана. Тот же результат.

Стало быть, Кабанов признал, что первое советское книжное издание заведомо некорректно текстологически. И с ним вполне согласен Сарнов.

Далее он цитирует интервью Кабанова, опубликованное «Литературной газетой» 14 декабря 1988 года. Сообщено там о событиях двухмесячной тогда давности: «14 октября в издательство позвонил Федор Борисович Губер, сын вдовы Гроссмана Ольги Михайловны Губер и сказал, что должен незамедлительно приехать по делу чрезвычайной важности»¹⁹.

Тут рукопись и появилась. Губер открыл портфель, и «вот он — титульный лист романа, написанный рукою Гроссмана. Здесь и посвящение, о котором мы не знали».

Речь о посвящении матери автора. Далее главный редактор объяснил, что двадцать семь лет хранил утаенный экземпляр друг автора, В. Лобода, а после его смерти — вдова, кото-

¹⁸ Здесь и далее цит. по: Кабанов В. Однажды приснилась. Записки дилетанта. М.: Материк. 2000. 390—397.

¹⁹ См.: <Он же>. Рукою автора. Интервью по срочному поводу // Литературная газета. 1988. 14 дек.

рая «даже потом, после публикаций в „Октябре“ и первых рецензий, долго еще не решалась открыться».

Но опять возникла проблема — с обретенной рукописью. По Сарнову, «тут же выяснилось, что это черновик».

Как «выяснилось» — рассказано. Присутствовавшие сочли, что правка слишком велика. Еще и сомнения возникли, авторская ли. Опять, согласно Кабанову, собрали Комиссию по литературному наследству, и А. Берзер, издавна дружившая с автором, сразу опознала почерк.

Да, нетривиальный метод экспертизы. Обычно по разным источникам сравнивают образцы почерка. А источников хватало: в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР — фонд Гроссмана.

Впрочем, редакторы тогда решали более важную для них проблему: срок подготовки издания надлежало сократить, для чего требовался беловой экземпляр, а где взять — не знали. И тут помогла Берзер. Предложила, как пишет Кабанов, «позвонить Липкину. Семен Израилевич назначает встречу в редакции „Октября“ и там торжественно и просто передает издательству „Книжная палата“ беловую рукопись романа, перепечатанную с черновика, хранившегося у Лободы и проверенную автором».

Почему они сразу решили, что рукопись «беловая» и «проверенная» — не объяснено. Зато ясно, что все-таки не Сарнов о Липкине рассказал.

Кстати, в мемуарах Кабанова приведены дневниковые записи его жены — редактора книжных изданий романа. Она негодовала: «Господи, как медленно они „колются“! Даже Сарнов молчал, как партизан, и только теперь, когда я потом и кровью заработала право на липкинскую рукопись, весело сообщает, что он... читал ее! Володька, — говорит, — Войнович приносил, перед тем, как переправить на Запад... „Хочешь, — говорит, почитай. А я такую огромную рукопись читать не могу“».

Этот фрагмент Сарнов **не цитирует**. И, похоже, не только из-за сказанного о Войновиче, который не раз утверждал,

что роман прочел сразу. Редактор пишет, что «медленно они "колются"», имея в виду и Липкина.

Вот и новая загадка: непонятно, почему в подготовке советской публикации Липкин так поздно решил принять участие.

Характерно, что Сарнов опять загадки не видит.

Пятая «цепь загадок»

Тут и возникает закономерный вопрос: а как же Липкин ситуацию объяснял? А никак — если судить по изданным материалам.

В мемуарах, вышедших к тому времени по обе стороны советской границы, он вообще не касался вопросов о рукописи Гроссмана. Даже к иностранным публикациям — судя по мемуарам — не имел отношения²⁰.

Не менялась версия до упомянутой статьи в «Русской мысли» 5 мая 1989 года. Именно там Липкин впервые объяснял, «как был спасен роман».

Пока не будем касаться «спасения» — особая тема. Главное, Липкин рассказал, что обратился к Войновичу в конце 1974 года. Упомянув лозаннское издание, отметил, что «по техническим причинам в нем оказались пропуски — иногда отдельных слов, фраз, иногда целых страниц».

Дальше — про советские публикации. Липкин подчеркнул, что именно главный редактор «Октября» «решил опубликовать „Жизнь и судьбу“ в своем журнале. Благодаря А. А. Ананьеву книга Гроссмана стала национальным достоянием советских читателей».

Только после этого Липкин сообщил о своем участии в советской публикации. Если точнее, о судьбе рукописи: «Будучи членом новосозданной комиссии по литературному

²⁰ Липкин С.И. Сталинград Василий Гроссмана. Michigan: Ann Arbor, 1986; Он же. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. № 6. С. 96—107; № 7. С. 98—108.

наследию Василия Гроссмана, я сдал А. А. Ананьеву как председателю комиссии все три папки».

Имелись в виду ранее Липкиным упомянутые картонные папки, где хранилась «спасенная» рукопись Гроссмана. Далее указано: «Теперь читатель получит уже полюбившееся ему произведение без пропусков».

Это можно было понять и как напоминание о «пропусках» в лозаннском издании. После чего Липкин отметил: «Недавно, 12 декабря прошлого года, когда мы в семье Гроссмана отмечали день его рождения, я узнал, что черновик романа Гроссман отдал своему другу (ставшему и моим другом) В. И. Лободе».

От кого «узнал», и кто определил, что Лобода хранил «черновик» — неизвестно. Зато Липкин акцентировал, что это был именно «черновик: машинопись, густо исправленная хорошо знакомым мне мелким почерком. Сопоставления некоторых — на выбор — страниц с сохраненным мною беловиком показывают, что черновик — окончательный».

Вряд ли такое «сопоставление» можно принять за текстологическую экспертизу. Но Липкин и не заявлял о своем знакомстве даже с основами текстологии. Мнение он сформулировал, а ранее описал последовательность событий. В других изданиях мемуаров описание воспроизведено. И трактовать его можно было сколь угодно широко.

Знакомые с историей публикации «в общих чертах» могли увериться: как узнал мемуарист об ананьевском решении, так и «сдал». Выходит, что и благодаря ему обречено «национальное достояние».

Правда, в 1989 году многие читатели еще помнили о скандале в связи с журнальной публикацией. Там купюр оказалось больше, нежели обозначили Эткинд с Маркишем, что и вызвало нарекания в прессе²¹.

Соответственно, рассказ Липкина можно было трактовать и так, что «сдал», когда роман уже печатался, чем предотвратил тиражирование ошибок в других изданиях. Тогда и су-

²¹ См. напр.: *Эткинд Е.* Нет двух правд. О советском издании романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Страна и мир. 1988. № 6. 132—137.

ждение о том, что скоро читатель получит роман «без пропусков» обрело иной смысл.

Были, однако, читатели, помнившие об интервью Кабанова, опубликованном «Литературной газетой» 14 декабря 1988 года — в связи с получением рукописи, которую принес Губер. В кабановском интервью нет сведений о липкинском экземпляре. Зато из мемуаров Липкина следовало, что **сначала** он свой экземпляр «сдал» Ананьеву **а уж после** у Кабанова оказался губерровский. Да еще и установил Липкин, что Лобода хранил черновик, пусть и «окончательный».

Пожалуй, в этих интерпретациях полностью загадочно лишь одно: процедура сверки. О рукописи, что Лобода хранил, так называемом «черновике», узнал Липкин, по его словам, на семейном празднике 12 декабря 1988 года. А «три папки», согласно его мемуарам, **уже** были Ананьеву переданы. И не сказано, что Липкин, где-то взяв «черновик», отправился к Ананьеву — сверку проводить.

Стоит подчеркнуть: мы не спорим с источником, а степень достоверности оцениваем, с другими источниками сопоставляя.

Если же сопоставить липкинскую версию с кабановской, так загадок еще больше. **Кабанову**, а не Ананьеву, как отмечалось выше, переданы Липкиным пресловутые «три папки» в редакции «Октября». Причем сохраненный Лободой экземпляр Кабанов получил от Губера **раньше**. И позвонить Липкину в конце 1988 года Берзер посоветовала. А главное, Кабанов **не упомянул** о липкинской сверке рукописей.

Еще отметим, что и Берзер, чьи воспоминания опубликованы **в 1990 году**, рассказала, как была «спасена» рукопись. Но лишь та, что Лобода хранил. О липкинской рукописи Берзер не упомянула. По выходным данным книги можно судить, что воспоминания Берзер готовила к печати на рубеже 1988-1989 годов. Соответственно, она либо не знала еще об участии Липкина, либо сообщать не желала. А согласно кабановским мемуарам, примерно в ту же пору и посоветовала обратиться к Липкину. Что вдруг изменилось — опять загадка.

Получается, что липкинская версия противоречит, в первую очередь, кабановской. А версия Берзер не подтверждает ни кабановскую, ни липкинскую. Сарнов же, игнорируя ли, не замечая ли это, конструирует версию «усредненную». Вот и оставим ему задачу устранения очередных противоречий там, где все «давно и хорошо известно» — «в общих чертах». Тем паче, что в полемике с нами Сарнов заведомо отвергает возможность критического подхода к мемуарам Липкина, называя их «надежным, вполне достоверным документом».

Шестая «цепь загадок»

В 1989 году началась, как пишет Кабанов, подготовка новой книги. Не без торжества акцентирует, что роман «завершен в 1960 году, издан на родине в подлинном виде и в полном объеме в 1990-м».

Имелось в виду, что успели к тридцатилетию. Но книга, согласно выходным данным, издана в том же 1989 году²².

Разница невелика, она интересна лишь при оценке точности свидетельств. Главное, что издание, настаивает Сарнов, готовили тщательно: лишь получили редакторы обе рукописи, «тут-то, с этого момента настоящая текстологическая работа и началась».

Вот и опять как-то неудобно объяснять мемуаристу, что «настоящая текстологическая работа» начинается с формирования источниковой базы. С определения общего количества существующих или существовавших источников текста. В данном случае, допустим, рукописей. Затем выясняется, все ли они доступны. Если не все, нужно еще **доказать**, что для подготовки репрезентативного издания достаточно источников. А если доказать нельзя, дефицит оговорить следует. Что сделал, например, Эткинд. Далее начинается этап анализа правки — в каждой рукописи. И сверка, разумеется. Определяется, сколько есть **редакций**, т. е. значительно различающихся текстов. Аналогично, сколько **вариантов** — незначительно раз-

²² См.: Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М.: «Книжная палата», 1989.

личающихся текстов, относящихся к одной редакции. Мнения о значительности/незначительности обосновываются в каждом случае, применительно к любому различию и совокупности их. Судя же по воспоминаниям Сарнова и Кабанова, сотрудники «Книжной палаты» сразу решили, что у них — черновик и беловая рукопись **одной** редакции. На уровне текстологии такой вывод возможен лишь при наличии веских аргументов, однако их не привел ни один из мемуаристов.

Зато Кабановым указана деталь, благодаря которой решение выглядит отнюдь не бесспорным. Посвящение матери Гроссмана — на титульном листе губернской рукописи, а в лозаннской книге его нет. Но если черновая рукопись содержит посвящение, беловая тоже должна бы содержать, значит, полагалось бы ему и в лозаннском издании оказаться.

При этом ни Кабановым, ни Сарновым не упомянуто, что посвящение было и на титульном листе липкинской рукописи. Допустим, это «по умолчанию» подразумевалось. Но «по умолчанию» — не аргумент. Ссылки на появившиеся «свидетельства очевидцев» тоже неуместны.

Да хоть бы и не было этого противоречия, все равно много других.

Так, рассуждая об эдиционной культуре, Сарнов цитирует статью «От издательства», предваряющую роман в книге 1989 года выпуска. Однако и там **не доказывается, а лишь постулируется**, что липкинская рукопись — беловая. Доказательства были бы обязательны, даже если б Гроссман на одной из папок, где хранилась губернская рукопись, указал бы, что это — черновик. Мало ли что и когда бы указал, ведь обстоятельства могли измениться. Еще и тексты, по словам автора (или авторов) статьи, не идентичны: «Дело в том, что машинописную рукопись беловика Вас. Гроссман внес некоторые поправки, но, как показывает анализ текстов, не успел сличить с черновиком и многочисленные ошибки машинисток исправлял не по оригиналу, а *по новому разумению*, особенно в тех случаях, когда они не искажали впрямую смысл».

Но обычно **сначала** проводят сверку, а после этого рукописи куда-либо передают. И никакой «анализ текстов» не по-

кажет, что Гроссман беловую рукопись «не успел сличить с черновиком». Про «не успел» — **домысел**. Снова вопрос **доверия** к автору (или авторам) статьи.

Если же учесть предложенную Сарновым характеристику рукописи, что объявлена черновиком, так загадок еще больше. Экземпляр — «с авторской правкой чуть ли не в каждой строке и многочисленными авторскими вставками, то на полях, то на обороте страницы».

Значит, в почти **тысячестраничном** «черновике» исправлений должно быть **несколько десятков тысяч**. И Гроссман, отдавая «черновик», **намеревался все это по памяти сверять** с «беловой» рукописью?

Примечательно, что автор (или авторы) статьи «От издательства» весьма противоречиво характеризуют авторскую правку, внесенную «по новому разумению». С одной стороны — «многочисленные ошибки машинисток». А с другой, постулируется, что Гроссман «далеко не все из них заметил». Про «заметил» — опять **домысел**. Тут можно лишь констатировать, что не все разночтения исправлены. Желательно бы и указать, какие именно «не искажали впрямую смысл».

Кое-что еще о правке. Согласно автору (или авторам) статьи, почти каждое слово романа «несет в себе глубинный, проникающий в корневые основы духа и бытия смысл, заставляющий читателя думать и постигать. Можно было бы привести много примеров вышесказанного, но, поскольку это скорее задача литературоведения, ограничимся двумя примерами».

Значит, важно «почти каждое слово», разночтения «**многочисленны**», а примера лишь **два**. Корректность устранения разночтений — опять вопрос **доверия** к автору (или авторам) статьи. Далее же Сарнов резюмирует: «Этот небольшой (по-больше журнальной страницы — Ю. Б., Д. Ф.) отрывок из издательского предисловия ко второму изданию романа я привел не для того, чтобы заключить, что текст этого издания следует считать каноническим, что никакая работа текстологов тут больше не нужна. Может, и нужна, не надо только изображать дело таким образом, что текстологам, которые пожелали бы этим заняться, пришлось бы *начинать с нуля*».

Отметим, во-первых, что термин «канонический» здесь неприменим. Во-вторых, не пришлось нам «изображать дело». Текстологические вопросы не анализировали мы в статье, рассердившей Сарнова. Наконец, о том, с чего начинать текстологам. Допустим, не «с нуля». А с чего же?

По Сарнову, все издания, кроме выпущенного в 1989 году «Книжной палатой», заведомо некорректны текстологически. Но и в этом издании текстологическая аргументация основывается лишь на «доверии», что неприемлемо.

Опять — ничего личного. Только текстология.

Конечно, статья «От издательства» невелика, текстологический комментарий к роману там не уместить. Но суть от этого не меняется.

Так что подготовку текстологически корректного издания начинать придется именно «с нуля».

Придется начинать с того, о чем и говорилось выше. Формировать источниковую базу, анализировать правку, определять количество редакций, вариантов, ну, и т. д. В текстологии, как известно, отнюдь не всегда находится единственно правильное решение. Но текстология начинается там, где каждое решение обосновано. И кончается там, где вместо обоснований — невнятная ссылка на обязательность «доверия».

Венок «цепей»

Завершая статью, наш оппонент не только бранит нас. Еще и поучить не забывает: «Поэтому я настоятельно советую им читать мемуары».

С тем, что он далее о цитированных мемуарах пишет, мы согласны. Действительно, «читая их, получаешь все-таки некоторый шанс: вдохнуть воздух давно минувшей эпохи, почувствовать ее атмосферу...».

Вот и мы — про «атмосферу». Не очень «давно минувшей» эпохи, именуемой «перестройкой». Вряд ли нужно доказывать, что тогда литературная полемика воспринималась почти исключительно в актуальном политическом контексте.

А роман Гроссмана — как аргумент в споре о либерализации советского режима. И сторонникам перемен не полагалось выражать сомнения относительно истории, описанной ближайшим другом Гроссмана. Такова была негласная договоренность — в условиях развернувшейся «журнальной войны». Например, в статье «От издательства» **даже не обсуждалось**, почему о липкинской рукописи лишь тогда стало известно, когда на родине Гроссмана **третий раз** готовили к выпуску роман. Разве что в частной беседе или дневнике, опубликованном много лет спустя, уместно было вышучивать «партизан», которые договориться не могут.

С этой, извините, «атмосферой» на удивление корреспондирует статья нашего оппонента. По-прежнему он противоречия то ли не видит, то ли видеть не желает, утверждая липкинскую версию. Дополненную им, так сказать, «по новому разумению».

Поэтому воспоминания Сарнова мы далее не будем анализировать. Обратимся к его полемической технике. К примерам, с прочими в сравнении, даже безобидным.

Так, в нашей статье рассматривается история выдвижения романа «За правое дело» на соискание Сталинской премии в 1952 году, чему, как известно, немало способствовали А. Фадеев, К. Симонов и А. Твардовский. И, согласно версии, принятой стараниями ряда мемуаристов, считается несомненным, что автор еще в 1941 году должен был получить премию за роман «Степан Кольчугин». Вторично — за повесть «Народ бессмертен» — в 1943 году. Но Сталин, руководствуясь личной неприязнью, дважды вычеркивал фамилию автора из лауреатского списка. Что и сочли мы сомнительным: нет документальных подтверждений «вычеркивания».

Сарнов же взялся мемуаристов защитить. Настаивает, что наше суждение — «еще один пример „стилистической обработки“, какой авторы статьи подвергают хорошо известные и не вызывающие сомнений факты...»

Далее следует фрагмент нашей статьи, который Сарнов по своему усмотрению сократил, а Фадеева, Симонова, Твардовского — вообще не упомянул. В его варианте наше сужде-

ние завершается так: «Вполне можно согласиться, что Сталин лично вычеркивал. Но вряд ли — без объяснений. Вряд ли давал основания догадываться о личных мотивах, если они и были».

После чего Сарнов к оценке переходит. Резюмирует: «Представление, что Сталин не мог вычеркнуть Гроссмана из списка лауреатов, не объяснив, почему он это делает, до такой степени наивно, оно в таком кричащем противоречии со всем обликом Сталина, с хорошо всем известным стилем его поведения, что тут впору только руками развести».

Однако наше суждение так не заканчивалось, как у Сарнова. Не выходя за пределы цитируемого им абзаца, мы объяснили, **почему** считаем, что вряд ли Сталин «давал основания догадываться о личных мотивах, если они и были. *Иначе бы о сталинском отношении к Гроссману знали Твардовский, Симонов и Фадеев. Лоббировать издание романа они бы вряд ли рискнули. Особенно — в разгар антисемитских кампаний. Практически невероятным было бы и выдвижение на Сталинскую премию. Это уже гротеск: Сталин, демонстрируя личную неприязнь, каждый раз без объяснений вычеркивает Гроссмана из лауреатских списков, а три весьма осведомленных функционера решают вновь попробовать — вдруг обойдется*».

Убедительны ли наши доводы и достаточны ли — в совокупности с остальными — другой вопрос. Но Сарнов сделал вид, **что их вообще не было**.

Приведем еще пример не менее «вольной» интерпретации.

В статье, рассердившей Сарнова, мы писали, что и мемуаристы, и литературоведы, рассуждая о гроссмановском романе, так или иначе ориентировались на ключевое событие его истории. Соответственно, было отмечено: «Арест рукописей признан событием уникальным. Однако вряд ли нужно доказывать, что в эпоху, ассоциируемую с политической деятельностью Сталина, эпоху, которую Хрущев назвал в феврале 1956 года „периодом культа личности“, аресты рукописей — с авторами или без них — случай отнюдь не редкий. Значит, восприятие факта в качестве уникального обусловлено не

столько фактом как таковым, сколько сопутствующими обстоятельствами. Арест явно противоречил пропагандистским кампаниям по „разоблачению культа личности“. Политическому контексту противоречил».

Сарнов цитату приводит. И в итоге заключает: «Тут все — не так».

По словам нашего оппонента, мы ошиблись в оценке ключевого эпизода. И он постулирует: «На самом деле в многострадальной истории советской литературы арест романа Гроссмана был случаем воистину уникальным».

В отличие от Сарнова, мы не знаем, как было «на самом деле». И судить не беремся. Главное, что мы, и это показано выше, не оценивали «арест» романа в качестве события не уникального или же уникального. Мы отметили факторы, в силу которых, по нашему мнению, литературоведами и мемуаристами «арест» был «признан событием уникальным».

Сарнов приписал нам суждение, нами не формулированное. А далее заявил, что и в сталинскую эпоху «изъятие рукописи (или рукописей) с оставлением автора на свободе тоже случалось, хоть и не часто».

Похоже, что оппонент просто не дочитал им же цитированный абзац. Ведь мы там отмечали, что и в сталинскую эпоху рукописи не обязательно арестовывали вместе с авторами. Но особенно важен историко-литературный аргумент Сарнова: «В 1925 году после обыска у Булгакова забрали рукопись его повести „Собачье сердце“ и дневник. Повесть после долгих хлопот вернули, дневник так и не отдали».

В отличие от нашего оппонента, мы не станем утверждать, что «тут — все не так». Обыск был, только **не «в 1925 году»**. Проведен **7 мая 1926 года**. Повесть и дневник «забрали». **Но дневник, согласно документированным свидетельствам, тоже «вернули»,** хоть и несколько позже.

Это отнюдь не сокровенное знание. Дата обыска указана, к примеру, в хрестоматийно известной книге М. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова»²³.

²³ См., напр.: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 353—354.

Указана дата и в других работах. Что же касается дневника, то на свидетельства его возвращения автору ссылается, к примеру, Б. Соколов в давно и широко известной книге «Булгаков. Энциклопедия»²⁴.

Наш оппонент предлагает новую версию. Кстати, не только в связи с булгаковским наследием. И сам же заявляет: «История ареста романа Гроссмана не имела со всеми этими случаями ничего общего».

Остальные его методы аргументации — примерно в ту же силу и той же стройности. Что до инвектив, так они и комичны порою. Сарнов, как уже отмечено, рассуждает о нашем злом **умысле** — на фоне увлеченности «**своими „открытиями“**».

Про чьи-либо открытия (в кавычках или без) не будем спорить. **Открытия** кто только не делает, оппонент же наш, полагаем, совершил нечто более масштабное — **закрытие**. На правах лучше всех знающего, «как это было», он постановил **закрыть** ряд тем: истории гроссмановских публикаций, текстологии романа, ну, и т. д. С чем и поздравляем.

Однако не только поздравляем.

Уместно вновь подчеркнуть: мы благодарны Сарнову, ведь он не только дал повод обратиться к истории гроссмановских публикаций, но еще и так выстроил свою версию, что для опровержения довольно упомянутых им же материалов.

Отсюда, конечно же, не следует, что мы точно знаем, «как это было». Не знаем, и лишь начинаем обсуждение. С критики источников начинаем.

²⁴ См., напр.: *Соколов Б. М.* Булгаков. Энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2007. С. 573—575.